

Е Мянью с улыбкой потер руки, с нетерпением ожидая, когда распорядитель назовет его имя. Однако в самый последний момент две жемчужные заколки изумрудного цвета достались Седьмому принцу, который тут же собственноручно вставил их в прическу Благородной супруги Цзя.

Император раскатисто рассмеялся и похвалил Седьмого принца за то, что тот хоть и мал, но уже столь смысленный и почтительный к родителям. Благородная супруга Цзя смотрела на сына с величайшей нежностью, а придворные внизу поспешили согласно закивать.

Е Мянью в недоумении прикусил губу. Ведь когда он сдавал добычу, там был только один его Цзиньли, и распорядитель даже похвалил его. Неужели Седьмой принц тоже поймал такого зверя позже?

Ли Чжао, Жуань Юньшэн и остальные кипели от возмущения, даже сидевший в отдалении Цинь Ао переменялся в лице. Вэй Аньюань и вовсе поднялся со своего места и направился напрямик к распорядителю. Е Мянью порывался пойти за ним, но Ли Чжао удержал его.

— Пусть идет! — гневно бросил Ли Чжао. — Мы битых два часа носились по лесу и полям, ты в конце чуть с дерева не рухнул, неужели мы даже спросить не имеем права?

— Раз не могут позволить себе такую награду, незачем было и выставять! — сердито добавил Жуань Юньшэн. — Награда от старшего брата досталась младшему, а тот нацепил ее на собственную мать... И ведь не стыдно же!

Е Мянью криво усмехнулся. Виду он не подавал, но в душе скребли кошки от разочарования. К тому же он прекрасно понимал: что бы там ни выяснил Вэй Аньюань, заколки уже красуются в волосах Благородной супруги Цзя, и обратно их никто не заберет.

Вскоре и впрямь вернулся мрачный как туча Вэй Аньюань.

— Седьмой принц действительно принес Цзиньли чуть позже, — с досадой сообщил он. — Я сам только что проверил, там действительно лежат двое.

— Ну и что с того? — возмутился Ли Чжао. — Наш брат Мянью был первым, чью добычу занесли в свитки! Разве правило «кто успел, тот и получил» здесь больше не работает?

Вэнь Сюнь тоже сидел с хмурым видом:

— Даже если добыли по одному Цзиньли, заколки с жемчугом следовало разделить поровну — каждому по одной. А это что за самоуправство?

Е Мянью видел, как все они надулись. Боясь, что эта история испортит друзьям настроение, он поспешил примирительно улыбнуться:

— Да ладно вам, пустяки! Попрошу потом старшего брата отыскать мне что-нибудь подобное, делов-то.

Тем временем пир начался. Е Мянью постарался взять себя в руки и принялся шутить и дурачиться, отчего на лицах друзей наконец-то проступило подобие улыбок.

В самый разгар застолья несколько чужеземных слуг внесли в зал статую Гуаньинь из сандалового дерева высотой в добрый десяток чи. Оказалось, это был дар от Царства Чжаонань для Вдовствующей императрицы, известной своей набожностью, в честь ее грядущего в

следующем месяце юбилея. Вдовствующая императрица так и просияла от радости. Сидевший подле нее Князь Жуннань кивнул принцу Царства Чжаонань в знак благодарности, а затем вполоборота отдал пару распоряжений стоявшему позади него Евнуху Ся.

Евнух Ся почтительно поклонился и поспешил удалиться.

Спустя некоторое время Евнух Ся вернулся в сопровождении четырех служанок Князя Жуннаня, которые несли два свитка — ответный дар для принца Царства Чжаонань.

Девушки медленно развернули картины. Ими оказались знаменитые шедевры мастеров Великой Вэнь — «Сотня скачущих коней» и «Пионы в ночи».

Однако никто из присутствующих даже не подумал восхититься этими редчайшими произведениями искусства. Гости с какими-то странными выражениями лиц уставились на четырех служанок, то и дело украдкой переводя взгляды то на Князя Жуннаня, то на Благородную супругу Цзя.

В зале воцарилась внезапная тишина.

Князь Жуннань, не обращая внимания на обращенные к нему взоры, неторопливо прихлебывал чай. Благородная супруга Цзя, напротив, багровая от гнева, с дрожащими губами протянула холеную руку с ярко-красным маникюром, вырвала из своей прически обе заколки с жемчугом и с силой швырнула их на стол.

Лицо Вдовствующей императрицы слегка изменилось. Она легонько хлопнула Чжуан Сюя по руке и с мягким укором произнесла:

— Озорник!

Тем не менее она крепко сжала его ладонь, явно выказывая намерение защитить внука.

Император лишь с обреченным видом покачал головой, глядя на Чжуан Сюя, но ругать его не стал. Вместо этого он повернулся к стоящему сзади слуге и велел принести множество драгоценностей, чтобы одарить ими Благородную супругу Цзя.

Пятый принц с позеленевшим от злости лицом вскочил было, хлопнув по столу, но сидевший впереди князь Жун осадил его грозным взглядом. Принцу пришлось опуститься обратно; тяжело дыша от ярости, он испепелял Чжуан Сюя глазами.

Е Мян с друзьями, сидевшие в самом конце зала, не понимали, какую драму разыгрывают эти небожители на почетных местах. Они с любопытством переглядывались и принялись пристально разглядывать служанок Князя Жуннаня, когда те пошли назад, пытаясь понять, в чем же дело.

Четыре миловидные служанки в нежно-сиреневых платьях плавно и грациозно семенили мимо. Когда из-под подолов показывались их бледно-розовые расшитые туфельки, на носках отчетливо виднелись прикрепленные к ним изумрудно-зеленые жемчужины.

Четыре служанки, восемь жемчужин — и все они мерцали мягким светом в сиянии праздничных свечей.

Увидев это, Е Мян вытаращил глаза и едва не выплюнул чай. В спешке сглотнув, он зашелся в кашле. Вэй Аньюань, Жуань Юньшэн и остальные разом ахнули, поспешно опустили головы,

содрогаясь от безмолвного смеха, а Ли Чжао пришлось изо всей силы ущипнуть себя за бедро, чтобы не расхохотаться в голос.

Это был сокрушительный удар по самолюбию. «Редчайшие» драгоценности, которые Седьмой принц столь горделиво преподнес матери, чтобы та украсила ими прическу, у Князя Жуннанягодились лишь на украшение туфель обычных служанок. Завтра же эта новость разлетится по всей столице, став главной темой для пересудов среди знатных дам и барышень.

Откашлявшись, Е Мянй покачал головой и посмотрел в сторону Чжуан Сюя.

И зачем ему было что-то расследовать? Недавнее происшествие в Башне Цзуйюэ определенно было делом рук Чжуан Сюя. Коварство и язвительность его методов в точности повторяли ту ночь.

Какая же изощренная жестокость!

Некоторое время спустя, когда в зале вновь зашумели голоса, Евнух Ся незаметно проскользнул к Е Мянью. С теплой улыбкой он протянул ему деревянную коробочку размером с ладонь и тут же удалился.

Е Мянй опешил. Под любопытными взглядами друзей он приоткрыл простую шкатулку из агарового дерева и замер: внутри, на мягкой подложке, покоились две изумрудные жемчужины размером с медную монету каждая.

Друзья недоуменно переглянулись. Ли Чжао почесал затылок:

— Это тебе от Князя Жуннаня?

Е Мянй немного подумал и с брезгливой гримасой ответил:

— Мало того, что я вообще боюсь принимать от него подарки, так он еще и сует мне побрякушки, которыми его служанки туфли украшают! Ну уж нет, не нужно мне такого!

Жуань Юньшэн, однако, достал одну жемчужину, внимательно рассмотрел ее, а затем отвернулся, чтобы проверить в темноте. Обернувшись, он произнес со странным выражением лица:

— А ведь они отличаются. В темноте этот жемчуг светится. Похоже, это тот самый глубоководный светящийся жемчуг, о котором ходят легенды. Каждая такая жемчужина стоит целое состояние!

Е Мянй вздрогнул. Неужели Чжуан Сюй решил купить его жизнь?

Е Мянй всю голову сломал, но так и не смог взять в толк, с чего вдруг Князь Жуннань, который вечно с ним враждовал, преподнес столь редкое и бесценное сокровище. Вэй Аньюань, Ли Чжао и Вэнь Сюнь тоже пребывали в полнейшем замешательстве. Лишь Жуань Юньшэн сидел с непроницаемым лицом, опустив голову и о чем-то напряженно размышляя.

Когда пир завершился, Е Мянй не бросился очертя голову к Князю Жуннаню. Он больше не был прежним наивным юношей. После нескольких стычек с Чжуан Сюем перед миром предстал обновленный, закаленный в боях Е Мянй.

Враг не двигается — и я не шевелюсь. Если враг сделает шаг — я сначала побегу к брату, а уж

потом отвечу.

Руководствуясь этим правилом, Е Мянью, прославивший знатным ябедой, поспешил во внутренний дворик Господина Дуаньхуа, но Е Цзина там еще не оказалось, так что пришлось его подождать.

Слуги его брата давно с ним свыклись. Увидев, что Четвертый молодой господин Е сидит в кресле, зевая от усталости, они тут же принесли влажные полотенца, чтобы обтереть ему лицо и руки, разули его и принялись бережно массировать уставшие ступни.

Они нисколько его не боялись и всю подшучивали над ним:

— Четвертый молодой господин Е наверняка сегодня днем слишком много озорничал, вот силы и иссякли! Мы ведь уже слышали, как старшему молодому господину докладывали: вы носились на лошадях по всем лесам и горам, да еще на дерево полезли ловить Цзиньли и едва оттуда не свалились. Вот вернется хозяин — берегитесь наказания!

Фэнцзинь жалобно простонал:

— Четвертый молодой господин Е, только послушайте их! Умоляю, не надо больше лазить по деревьям, иначе госпожа с меня живьем шкуру спустит, когда мы вернемся.

Е Мянью бессильно растекся в кресле, лишь лениво мыча в ответ. Прошло около получаса, и он уже начал проваливаться в сон, как вдруг у дверей послышались шаги.

Это вернулся его брат.

Е Цзин ничуть не удивился, застав Е Мянью у себя в комнате.

— Я как раз собирался тебя искать, — произнес он.

Е Мянью потер глаза и с любопытством спросил:

— Зачем я тебе понадобился, брат?

— Позже объясню. Переночуешь сегодня у меня. Пусть Фэнцзинь предупредит твоих однокашников.

Е Мянью зевнул и кивнул Фэнцзиню. Тот послушно поклонился и поспешил выйти.

Разморенный Е Мянью поднялся с места, и слуги помогли братьям омыться и переодеться.

Приведя себя в порядок и облачившись в свободное одеяние для сна, Е Мянью уселся за стол и принялся маленькими глотками пить свежеприготовленный медовый отвар от похмелья. Сам он за ужином почти не пил, а вот его брата гости то и дело принуждали поднимать чарки одну за другой.

Как только Е Цзин уселся рядом с еще влажными после купания волосами, Е Мянью тут же пододвинул к нему вторую пиалу:

— Братец, выпей скорее отвара, а то наутро опять будет голова раскалываться.